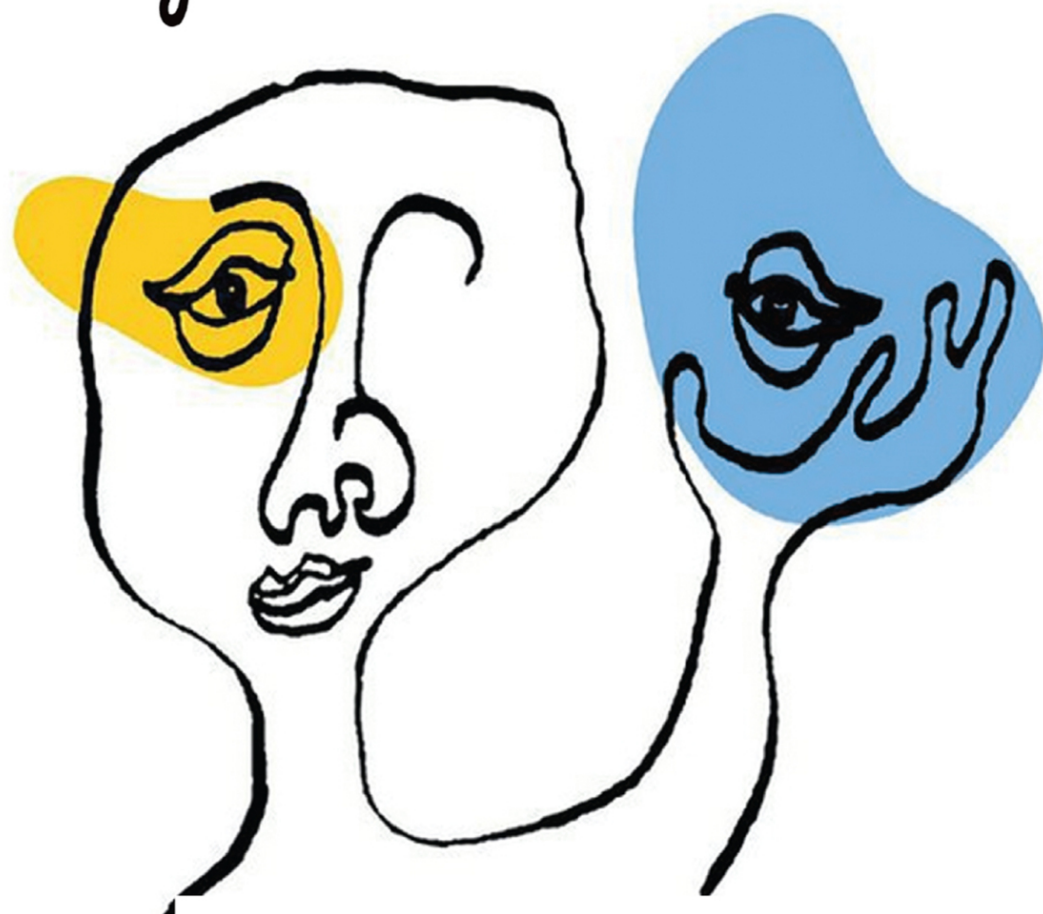

КУНДЕРА

МИЛАН
КУНДЕРА

Поржество
незначительности

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНОСТРАНКА»

Большой роман

Милан Кундера

Торжество незначительности

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Кундера М.

Торжество незначительности / М. Кундера — «Азбука-Аттикус»,
2013 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-22047-8

Милан Кундера принадлежит к числу самых популярных писателей современности. Его книги буквально завораживают читателя изысканностью стиля, умелым построением сюжета, накалом чувств у героев. Каждое новое произведение писателя пополняет ряд бестселлеров интеллектуальной прозы. Дружба, юмор, умение понимать и сопереживать, бесконечная хрупкость и неутомимое упорство жизни — в позднем романе Милана Кундеры предсказуемо торжествует незначительность, но также прославляются очень значительные вещи, без которых наша «маленькая» жизнь невообразима и невозможна. И здесь нет ни одной серьезной фразы — это очень важное предупреждение, но вы все-таки ему не верьте.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-22047-8

© Кундера М., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Часть первая	6
Ален размышляет о пупке	6
Рамон прогуливается по Люксембургскому саду	8
Рак отменяется	9
Тайное очарование тяжелой болезни	10
Необъяснимая ложь, необъяснимый смех	12
Рамон в гостях у Шарля	13
Лекция Рамона о блестящем и незначительном	14
Часть вторая	16
Двадцать четыре куропатки	17
Шарль мечтает о пьесе для кукольного театра	18
Бунт в туалете	19
В следующий раз Шарль рассказывает друзьям о Калинине и о прусской столице	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Милан Кундера

Торжество незначительности

Milan Kundera
LA FÊTE DE L'INSIGNIFIANCE
Copyright © 2013,
Milan Kundera
All rights reserved

All adaptations of the work for film, theatre, television and radio are strictly prohibited.

Любые адаптации произведения для кино, театра, телевидения и радио строго запрещены.

Перевод с французского Аллы Смирновой

В оформлении использованы рисунки автора.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. Н. Смирнова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

Часть первая Представление героев

Ален размышляет о пупке

Стоял июнь, утреннее солнце выходило из-за облаков, и Ален медленно шагал по парижской улице. Он разглядывал юных девушек, они демонстрировали свои оголенные пупки между заниженным поясом брюк и завышенной линией топиков. Он был заворожен, заворожен и смущен: как будто самый мощный импульс соблазна исходил не от бедер, не от ягодниц или груди, а от этой маленькой круглой ямочки посреди тела.

Это подвигло его на размышления: если средоточие женской соблазнительности мужчина (или эпоха) видит в бедрах, как описать и определить особенность этой эротической установки? Экспромтом родился ответ: длина бедер – это метафорический образ дороги, долгой и пленительной (вот почему бедра должны быть длинными), которая ведет к эротическому финалу; в самом деле, подумал Ален, даже в самый разгар совокупления длинные бедра даруют женщине эротическое очарование чего-то недоступного.

Если средоточие женской соблазнительности мужчина (или эпоха) видит в ягодицах, как описать и определить особенность этой эротической установки? Экспромтом родился ответ: грубая мощь; веселье; самая короткая дорога к цели; а цель возбуждает еще больше, потому что двойная.

Если средоточие женской соблазнительности мужчина (или эпоха) видит в груди, как описать и определить особенность этой эротической установки? Экспромтом родился ответ: святость женщины; Дева Мария, кормящая грудью Иисуса; мужчина, преклоненный перед благородной миссией женщины.

Но как определить эротизм мужчины (или эпохи), который средоточие женской соблазнительности видит посреди тела, в пупке?

Рамон прогуливается по Люксембургскому саду

Приблизительно в то же самое время, когда Ален предавался размышлениям о различных истоках женской соблазнительности, Рамон стоял перед музеем в Люксембургском саду, где вот уже месяц выставлялись картины Шагала. Ему хотелось их посмотреть, но он заранее знал, что не найдет в себе сил по собственной воле превратиться в частицу нескончаемой очереди, что медленно тащилась к кассе; он посмотрел на этих людей, их парализованные скукой лица, представил себе музейные залы, в которых их туловища и болтовня будут загораживать и заглушать картины, через минуту отвернулся и направился по аллее вглубь сада.

Там атмосфера была повеселее; род человеческий казался не таким многочисленным и держался свободнее: кто-то бежал, но не потому, что спешил, а просто ему нравилось бежать; кто-то прогуливался и ел мороженое; на газоне последователи какого-то восточного учения делали странные плавные движения; чуть дальше полукругом стояли большие белые статуи королей и прочих благородных дам Франции, а еще дальше, на газоне среди деревьев, по всему саду, – скульптуры поэтов, художников, ученых; он остановился перед бронзовой статуей соблазнительного подростка в обтягивающих шортах и с обнаженным торсом, который предлагал маски Бальзака, Берлиоза, Гюго, Дюма. Рамон не смог сдержать улыбки и продолжил фланировать по этому саду гениев; скромные, в обрамлении любезного равнодушия гуляющих, они, должно быть, чувствовали приятную свободу; никто не останавливался, чтобы рассмотреть их лица или прочесть надписи на пьедесталах. Рамон упивался этим безразличием, словно утешительным покоем. Постепенно широкая, почти счастливая улыбка появилась у него на лице.

Рак отменяется

Приблизительно в то же самое время, когда Рамон передумал идти на выставку Шагала и вместо этого отправился бродить по парку, Д'Ардело поднимался по лестнице, ведущей в кабинет врача. Сегодня было ровно три недели до его дня рождения. Уже много лет он ненавидел их, свои дни рождения. Из-за цифр, которые за ними стояли. Однако игнорировать их не удавалось, поскольку счастье оттого, что его чествовали, было сильнее стыда оттого, что он старел. Тем более что на этот раз посещение врача прибавляло этому празднику новые краски. Ведь именно сегодня ему предстояло получить результаты анализов и узнать, о чем свидетельствуют подозрительные симптомы в его организме: это онкология или все-таки нет. Он вошел в приемную и дрожащим голосом проговорил про себя, что через три недели будет отмечать одновременно и день своего такого далекого рождения, и день своей такой близкой смерти, то есть праздновать двойной праздник.

Но, увидев улыбающееся лицо врача, он понял, что смерть решила отклонить его приглашение. Доктор дружески пожал ему руку. Со слезами на глазах Д'Ардело не смог произнести ни слова.

Медицинский кабинет находился на авеню Обсерватуар, в каких-нибудь паре сотен метров от Люксембургского сада. Поскольку Д'Ардело жил как раз по ту сторону сада, на маленькой улочке, он решил идти через сад. Прогулка среди зелени сделала его и без того прекрасное настроение почти веселым, особенно когда он огибал большое полукружье статуй бывших королей Франции, изваянных из белого мрамора, в полный рост, в торжественных позах, показавшихся ему забавными и даже игривыми, словно эти дамы хотели таким образом выразить свою радость по поводу прекрасной новости, которую он только что узнал. Не в силах совладать с собой, он пару раз махнул им рукой в знак приветствия и рассмеялся.

Тайное очарование тяжелой болезни

Где-то там, неподалеку от знатных мраморных дам, Рамон встретился с Д'Ардело, с которым всего лишь год назад они работали в одной конторе, ее название не представляет для нас никакого интереса. Они остановились друг против друга, и после обычных приветствий Д'Ардело стал рассказывать:

– Дружище, вы знаете Ла Франк? Пару дней назад у нее умер любовник.

Он сделал паузу, и в памяти Рамона возникло прекрасное лицо известной женщины, которую он знал только по фотографиям.

– Агония была мучительной, – продолжал Д'Ардело. – Она до последнего оставалась с ним. О, как она страдала!

Рамон, словно замороженный, смотрел на радостное лицо того, кто рассказывал ему эту мрачную историю.

– Представьте себе, еще утром она держала умирающего в объятиях, а вечером ужинала с друзьями, я тоже там был, и вы не поверите, она казалась почти веселой! Я ею восхищался! Какая сила! Какая любовь к жизни! Глаза еще красные от слез, а она смеется! А ведь мы все знаем, как она его любила! Как она, должно быть, страдала! Какая сила у этой женщины!

Как и четверть часа назад в кабинете врача, на глазах Д'Ардело заблестели слезы. Ведь когда он говорил о силе духа этой самой Ла Франк, то думал о себе. Разве он сам весь этот месяц не ощущал близкого дыхания смерти? Разве твердость его характера не подверглась тяжелому испытанию? Даже сделавшись простым воспоминанием, рак оставался с ним, словно свет слабой лампочки, который загадочным образом завораживал его. Но ему удалось совладать со своими чувствами, и он заговорил на более прозаическую тему:

– Кстати, если я не ошибаюсь, вы ведь знаете кого-то, кто умеет организовывать коктейли, жратву, всякое такое.

– Знаю, – ответил Рамон.

Д'Ардело:

– Я хочу отпраздновать свой день рождения.

После трогательных рассказов о небезызвестной Ла Франк последняя фраза показалась Рамону довольно легкомысленной, и он не смог сдержать улыбки:

– Вижу, веселая у вас жизнь.

Странно, но эта фраза Д'Ардело не понравилась. Легкомысленный тон словно разрушал своеобразную красоту его хорошего настроения, красоту, осененную магическим пафосом смерти, воспоминание о которой по-прежнему не покидало его.

– Да, – сказал он, – в целом все неплохо, – а затем, выдержав паузу, добавил: – Хотя...

И после новой паузы:

– Знаете, я только что от своего врача.

Замешательство на лице собеседника ему понравилось; он не торопился продолжать, так что Рамон вынужден был спросить:

– И что? Есть проблемы?

– Есть.

Д'Ардело вновь замолчал, и Рамону ничего не оставалось, как снова спросить самому:

– И что вам сказал врач?

В этот самый момент в глазах Рамона Д'Ардело, как в зеркале, увидел свое лицо: лицо человека пожилого, но все еще красивого, с печатью грусти, которая делала его еще более привлекательным; он подумал, что этот красивый грустный человек вскоре отметит свой день рождения, и мысль, которую он лелеял с самого визита к врачу, вновь пришла ему в голову,

восхитительная мысль о двойном празднике: рождения и смерти. Продолжая рассматривать себя в глазах Рамона, он спокойно и очень тихо произнес:

– Рак...

Рамон что-то пробормотал и неловко, по-братски, коснулся руки Д'Ардело:

– Но это лечится...

– Увы, слишком поздно. Но забудьте, что я вам сказал, и никому об этом не говорите; подумайте лучше о моем коктейле. Надо жить! – воскликнул Д'Ардело и, прежде чем продолжить путь, махнул рукой в знак приветствия, и этот сдержанный, почти робкий жест был таким неожиданным, что Рамон смутился.

Необъяснимая ложь, необъяснимый смех

Встреча двух бывших коллег этим красивым жестом и закончилась. Но я не могу не задать вопрос: почему Д'Ардело солгал?

Этот вопрос он задал себе сам сразу же и тоже не смог на него ответить. Нет, ему не было стыдно из-за своей лжи. Просто он не мог понять, почему сделал это. Обычно лгут для того, чтобы кого-то обмануть и извлечь из этого выгоду. Но какую выгоду мог он извлечь, выдумав себе смертельную болезнь? Странно, но, размышляя о нелепости собственной лжи, он не мог удержаться от смеха. И этот смех объяснить было тоже невозможно. Почему он смеется? Его поведение казалось ему смешным? Нет. Впрочем, чувство юмора не было его сильной стороной. Просто этот выдуманный рак непонятно почему его веселил. Не переставая смеяться, он продолжал путь. Он смеялся и радовался своему хорошему настроению.

Рамон в гостях у Шарля

Через час после встречи с Д'Ардело Рамон был уже у Шарля.

– У меня для тебя подарок: заказ на коктейль, – сказал он.

– Здорово! В этом году с работой не очень, – сказал Шарль, приглашая приятеля сесть напротив него за низкий столик.

– Считаю, это мой подарок тебе. И Калибану. Кстати, где он?

– Где ему быть? Дома, с женой.

– А я думал, коктейли вы обслуживаете вместе.

– Ну да. Театрам по-прежнему на него плевать.

Тут Рамон заметил на столике довольно толстую книгу. Он наклонился и не смог скрыть удивления: «Воспоминания» Никиты Хрущева.

– Это наш учитель мне дал.

– И что он там мог найти интересного?

– Он отметил для меня несколько абзацев. То, что я прочел, довольно забавно.

– Забавно?

– История о двадцати четырех куропатках.

– Что?

– История о двадцати четырех куропатках. Не слышал? А ведь с нее начались великие перемены в мире!

– Великие перемены в мире? Ни больше ни меньше?

– Ни больше ни меньше. Ну ладно, что за коктейль, у кого?

Рамон объяснил ему, и Шарль спросил:

– А кто этот Д'Ардело? Придурок, как все мои клиенты?

– Ну конечно.

– А его идиотизм какого рода?

– Какого рода его идиотизм... – задумчиво повторил Рамон. Затем спросил: – Ты Каклика знаешь?

Лекция Рамона о блестящем и незначительном

– Мой старинный приятель Каклик, – продолжал Рамон, – один из самых выдающихся бабников, каких я когда-либо встречал. Однажды меня пригласили на вечеринку, где оказались он и Д'Ардело. Друг с другом они знакомы не были. В одной гостиной встретились совершенно случайно. Наверное, Д'Ардело даже и не заметил моего приятеля. Там были очень красивые женщины, а Д'Ардело, как известно, от них без ума. Он готов на что угодно, лишь бы привлечь их внимание. В тот вечер это был просто фейерверк остроумия.

– Что-то неприличное?

– Наоборот. Шутки у него вполне приличные, благопристойные, оптимистические и в то же время такие изящные, утонченные, изысканные, они всегда привлекают внимание, хотя люди реагируют на них далеко не сразу. Это целое действо: сначала несколько секунд все молчат, и он сам начинает громко хохотать, потом еще через пару секунд до присутствующих тоже доходит, и они вежливо к нему присоединяются. И тут, когда смеяться начинают уже все – оцени, какой изящный ход! – он становится серьезным, совершенно бесстрастным, таким пресыщенным скептиком и, преисполненный тайного тщеславия, забавляется их смехом. А Каклик совершенно другой. Нет, он не молчит. Когда он в компании, то все время что-то бормочет своим слабым голоском, шелестит, а не разговаривает, и никто на его слова не обращает внимания.

Шарль рассмеялся.

– Не смейся. Говорить, не привлекая внимания, не так-то просто! Присутствовать, так сказать, вербально и чтобы при этом никто тебя не слышал – это, знаешь ли, требует мастерства!

– Вот только смысл этого самого мастерства до меня не доходит.

– Молчание привлекает внимание. Оно производит впечатление. Делает тебя загадочным. Или вызывает подозрение. Этого Каклик и хочет избежать. Как на той самой вечеринке, о которой я тебе рассказываю. Была там одна очень красивая особа, Д'Ардело она очаровала. Каклик периодически обращался к ней, произносил какую-нибудь банальность, пустяк, что-то совсем неинтересное, хотя и приятное, зато его реплики не требовали вразумительного ответа, претензий на остроумие, ничего такого. Какое-то время спустя я вдруг понял, что Каклика в комнате нет. Мне стало любопытно, я начал наблюдать за дамой. А Д'Ардело только что выдал очередную остроту, за которой последовало молчание, затем сам рассмеялся и еще через пару секунд к нему присоединились остальные. В этот самый момент, словно укрывшись за пеленой смеха, женщина направилась к выходу. Д'Ардело, довольный успехом остроты, упивается своим вербальным эксгибиционизмом. А чуть позже замечает, что красавицы-то рядом нет. И поскольку ничего не знает о присутствии здесь какого-то там Каклика, не может объяснить себе причину ее исчезновения. Он так ничего не понял и до сих пор не понимает, какая ценная вещь эта незначительность. Это тебе мой ответ на вопрос, какого рода его идиотизм.

– Да, понимаю, блестящим быть бесполезно.

– Не просто бесполезно. Вредно. Когда какой-нибудь блестящий мужчина пытается соблазнить женщину, у той появляется ощущение, будто она вступает в соревнование. И тоже обязана блистать, чтобы не отдаваться без сопротивления. А незначительность ее как будто освобождает. Заставляет забыть об осторожности. Не требует ответного остроумия. Делает ее беззаботной и, следовательно, легкодоступной. Ну да ладно. Что же касается Д'Ардело, то это отнюдь не ничтожество, он Нарцисс. Причем в точном смысле этого слова: ведь Нарцисс – это не гордец. Гордец презирает других. Он их недооценивает. А Нарцисс, напротив, их переоценивает, потому что в глазах каждого видит собственное отражение и хочет его приукрасить. И старательно пестует свои образы. Вот что для вас обоих важно: он очень мил. По мне, так

он, конечно, сноб. Хотя мое отношение к нему изменилось. Я узнал, что он серьезно болен. И с тех пор смотрю на него другими глазами.

– Болен? Чем?

– Рак. Я даже удивился, до какой степени меня огорчило это известие. Возможно, это его последние месяцы жизни.

И потом, после паузы:

– Меня тронуло, как он мне об этом сказал... очень просто, даже застенчиво... без пафоса, безо всякого нарциссизма. И я вдруг впервые почувствовал к этому дураку искреннюю симпатию... искреннюю симпатию.

Часть вторая Кукольный театр

Двадцать четыре куропатки

В конце долгого, утомительного дня Сталин любил еще какое-то время посидеть со своими соратниками и отдохнуть, рассказывая им истории из своей жизни. Вот такую, например.

Однажды он решает пойти на охоту. Натягивает старую куртку, надевает лыжи, берет ружье и бежит по снегу тринадцать верст. И вот прямо перед собой он видит дерево, а на ветках сидят куропатки. Он останавливается и пересчитывает их. Двадцать четыре. Какая досада! У него с собой только двенадцать патронов! Он стреляет, убивает двенадцать куропаток, потом разворачивается, бежит обратно тринадцать верст, и дома берет еще дюжину патронов. Снова бежит тринадцать верст и видит, что куропатки по-прежнему сидят на том же дереве. Тогда он убивает остальных...

– Ну как тебе? – спросил Шарль у Калибана, а тот рассмеялся:

– Если бы сам Сталин мне это рассказал, я бы ему поаплодировал! А ты откуда взял эту историю?

– Учитель подарил мне «Воспоминания» Хрущева, книга издана во Франции уже очень давно. Хрущев излагает эту историю с куропатками так, как Сталин рассказывал им. Но, по словам Хрущева, никто не отреагировал, как ты. Никто не смеялся. Всем, разумеется, рассказ Сталина показался абсурдным, и было противно от его вранья. Но все молчали, и только один Хрущев набрался смелости и сказал Сталину, что он об этом думает. Слушай!

Шарль открыл книгу и медленно прочел вслух: «Тут я его даже переспросил: „Как, все-все сидят?“ – „Да, – отвечает, – все“».

Но история на этом не закончилась, да будет тебе известно, что в конце дня все соби-
рались в просторной туалетной комнате. Представь себе: на стене длинный ряд писсуаров, на противоположной стене умывальники. Писсуары фаянсовые, в форме ракушек, яркие, с цветочными орнаментами. У каждого члена сталинского клана собственный писсуар, сделанный и подписанный определенным мастером. Только у Сталина не было.

– А где же тогда писал Сталин?

– В отдельном туалете, в другой части здания; а поскольку он всегда писал в одиночестве, а не со своими сотрудниками, те в своем туалете чувствовали себя божественно свободными и осмеливались наконец сказать вслух то, о чем вынуждены были молчать в присутствии Главного. Как и в тот день, когда Сталин поведал историю про двадцать четыре куропатки. Опять процитирую тебе Хрущева: «Когда уходили и, готовясь уехать, заходили в туалет, то там буквально плевались: (...) „Ну, брешет!“ У нас ни у кого не было сомнения в этом».

– А Хрущев – это кто?

– После смерти Сталина он стал главой советской империи.

Помолчав, Калибан произнес:

– Знаешь, что мне кажется невероятным во всей этой истории: никто так и не понял, что Сталин шутит.

– Ну да, – ответил Шарль и положил книгу на стол. – Ведь никто рядом с ним уже не знал, что такое шутка. И мне кажется, именно тогда новый великий период Истории известил о своем появлении.

Шарль мечтает о пьесе для кукольного театра

В моем словаре нечестивца есть одно святое слово: дружба. Я люблю их, этих четверых приятелей, с которыми вас познакомил: Ален, Рамон, Шарль и Калибан. Именно из симпатии к ним я и принес однажды книгу Хрущева Шарлю, чтобы все они позабавились.

Им четверым была уже известна история о двадцати четырех куропатках, вплоть до ее великолепного финала в туалете, и вот однажды Ален пожаловался Шарлю:

– «Я встретил твою Мадлен. Рассказал ей историю о куропатках. А для нее это всего лишь странный анекдот про охотника! Может быть, имя Сталина ей и знакомо, но она не поняла, почему охотника так зовут...

– Ей всего лишь двадцать, – мягко ответил Ален, защищая свою подружку.

– Если я ничего не путаю, – вмешался Шарль, – твоя Мадлен родилась через каких-нибудь сорок лет после смерти Сталина. Я, прежде чем родиться, должен был выждать семнадцать лет после его смерти. А тебе, Рамон, когда Сталин умер... – Он замолчал, делая в уме какие-то подсчеты, затем в некотором замешательстве произнес: – Боже мой! Ты тогда уже родился!

– Мне стыдно, но так оно и есть.

– Если я не ошибаюсь, – продолжал Шарль, по-прежнему обращаясь к Рамону, – твой дед в числе прочих представителей интеллигенции подписал петицию в защиту Сталина, великого деятеля прогресса.

– Да, – вынужден был признаться Рамон.

– Думаю, твой отец уже испытывал по отношению к нему некоторый скептицизм, в твоём поколении скептицизма было больше, а для моего он стал главным преступником.

– Ну да, – согласился Рамон. – Люди встречаются, болтают, спорят, ссорятся и даже не понимают, что обращаются друг к другу издали, каждый из своего наблюдательного пункта, расположенного в другой временной точке.

Помолчав, Шарль ответил:

– Время бежит быстро. Мы проживаем жизнь, а это значит, нас обвиняют и судят. Потом умираем и еще несколько лет остаемся с теми, кто нас знал, но довольно скоро происходят другие перемены: мертвые, как и время, становятся «давнопрошедшими», о них больше никто не вспоминает, и они погружаются в небытие; и только некоторые, очень-очень редко, оставляют свои имена в памяти, да и то, в отсутствие настоящих свидетелей и подлинных воспоминаний, они превращаются в марионеток... Друзья мои, я просто очарован этой историей Хрущева в «Воспоминаниях» и не могу избавиться от желания сделать из нее пьесу для кукольного театра.

– Для кукольного театра? А почему не для «Комеди Франсез?» – поддел его Калибан.

– Нет, – ответил Шарль, – если бы эту историю со Сталиным и Хрущевым разыграли люди, это был бы обман. Никто не имеет права притворяться и воссоздавать жизнь человека, которого давно уже нет. Никто не имеет права делать из куклы человека.

Бунт в туалете

– Эти товарищи Сталина меня восхищают, – продолжал Шарль. – Я представляю, как они возмущаются в туалете! Они так долго ждали момента, когда можно будет наконец высказать вслух свои мысли. Но кое о чем они не подозревали: Сталин за ними наблюдал и ждал этого момента с неменьшим нетерпением! Когда вся его банда отправлялась в туалет, он предвкушал удовольствие! Друзья мои, я это вижу! Осторожно, на цыпочках, он крадется по длинному коридору, прикладывает ухо к двери туалета и слушает. А эти герои, члены политбюро, кричат, топают ногами, проклинают его, а он все слышит и смеется. «Он брешет, брешет!» – вопит Хрущев, голос звенит, а Сталин, припав ухом к двери – я так и вижу его, вижу, – Сталин наслаждается этим возмущением, хохочет как ненормальный и даже не пытается сдержать смех, потому что те, которые сейчас в туалете, тоже вопят как ненормальные и все равно не могут его расслышать в этом гомоне.

– Да, ты нам уже рассказывал, – сказал Ален.

– Знаю. Но самое важное, то есть настоящую причину, по которой Сталин так любил повторять одну и ту же историю о двадцати четырех куропатках в одной и той же компании, этой причины я вам еще не сказал. А в ней-то и есть главная интрига моей пьесы.

– И что это за причина?

– Калинин.

– Что? – переспросил Калибан.

– Калинин.

– Никогда не слышал этого имени.

А вот Ален, хотя и моложе Калибана, но более образованный, знал, кто это:

– В честь него переименовали знаменитый немецкий город, в котором всю жизнь прожил Иммануил Кант, сейчас он называется Калининград.

Тут с улицы раздался громкий, нетерпеливый звук клаксона.

– Пора, – сказал Ален. – Меня ждет Мадлен. До скорого!

Мадлен ждала его на улице, сидя на мотоцикле. Это был мотоцикл Алена, но ездили они на нем по очереди.

В следующий раз Шарль рассказывает друзьям о Калинине и о прусской столице

С самого своего основания знаменитый прусский город назывался Кенигсберг, что означает «королевская гора». И только после последней войны он стал Калининградом. «Град» означает по-русски «город». То есть город Калинина. Век, который нам с вами повезло пережить, просто помешался на переименованиях. Царицын переименовали в Сталинград, потом Сталинград в Волгоград. Санкт-Петербург переименовали в Петроград, потом Петроград в Ленинград, и, наконец, Ленинград обратно в Санкт-Петербург. Хемниц переименовали в Карл-Маркс-Штадт, потом Карл-Маркс-Штадт в Хемниц. Кенигсберг переименовали в Калининград... но внимание: Калининград остался и останется навсегда Калининградом и переименовывать его не будут. Слава Калинина оказалась выше любой другой славы.

– А кто это такой? – спросил Калибан.

– Это человек, – продолжал Шарль, – не имевший никакой реальной власти, убогая, безобидная марионетка, однако в течение довольно долгого времени он являлся председателем Президиума Верховного Совета, то есть с точки зрения протокола это был самый влиятельный человек в государстве. Я видел его фотографию: старый рабочий, что-то в нем от профсоюзного активиста, борода клинышком, дурно скроенный пиджак. Калинин уже тогда был довольно старым и страдал воспалением простаты, поэтому вынужден был часто бегать писать. И эти позывы к мочеиспусканию бывали такими сильными и внезапными, что он должен был срочно бежать в туалет во время официального обеда или даже посреди речи, которую произносил перед большой аудиторией. Надо признать, он приобрел в этом деле известную сноровку. И сегодня в России вспоминают о празднике в честь торжественного открытия нового оперного театра в одном украинском городе. Калинин по такому случаю произносил длинную вступительную речь. Раз в две минуты ему приходилось останавливаться, и, как только он отходил от трибуны, оркестр принимался играть народную музыку, на сцену выпархивали красивые белокурые украинские балерины и начинали танцевать. Когда Калинин возвращался на сцену, его встречали аплодисментами, когда он снова удалялся, аплодисменты становились еще сильнее, это публика приветствовала белокурых балерин, и по мере того, как его приходы и уходы учащались, аплодисменты становились все более продолжительными, громкими и сердечными, так что официальное празднование превратилось в какую-то безумную, шумную, радостную оргию, какой советское государство никогда не знало.

А вот когда в перерывах между заседаниями Калинин оказывался в кругу товарищей, его мочеиспусканию, увы, никто не аплодировал. Сталин рассказывал свои истории, а дисциплинированный Калинин не решался беспокоить его походами в туалет. Тем более что Сталин во время рассказа пристально смотрел на него, на его лицо, которое все больше бледнело и кривилось. Тогда Сталин намеренно замедлял свое повествование вплоть до того самого момента, когда лицо напротив внезапно расслаблялось, судорожная гримаса исчезала, выражение становилось безмятежным и умиротворенным; и только тогда, поняв, что великая битва в очередной раз завершилась поражением Калинина, Сталин переходил к развязке, вставал из-за стола и с веселой, дружеской улыбкой заканчивал заседание. Присутствующие вставали тоже и насмешливо поглядывали на товарища, который, стоя за столом или стулом, пытался спрятать свои мокрые брюки...

Приятели Шарля с удовольствием вообразили себе эту сцену, и только после некоторого молчания Калибан решился прервать затянувшуюся паузу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.